

Гу Чжэнь чувствовал, что сейчас у него не только шкура слезет, но и сам он помрет.

Я был неправ. С самого начала не стоило мне перерождаться в этом мире. Если бы я здесь не оказался, мой член бы не пострадал, и я не оказался бы в такой заднице...

Раньше передо мной стоял здоровый черный член, а я его не ценил. Лишь потеряв его, я стал горько сожалеть...

Гу Чжэню казалось, что это предсмертный бред, и он внезапно превратился в постмодернистского поэта, в голове которого роились мысли о собственной эпитафии.

Жу Сюэ по-прежнему не понимала, в чем дело, видя, как Гу Чжэнь корчится от боли, взгляд у него остекленел, а в углах глаз выступили слезы. Она с тревогой спросила:

— Господин, не волнуйтесь. У меня есть лекарство от диареи, сейчас приготовлю отвар, вы выпьете — и всё пройдет.

Один пью вино, я одинок, хуя нет — и хрен с ним.

Среди множества безумных мыслей Гу Чжэнь все же нашел немного здравого смысла. Разве я не могу просто помыться? Он быстро сказал Жу Сюэ:

— Хорошо... Спасибо, Жу Сюэ, за помощь с лекарством... Выйди, пожалуйста...

Жу Сюэ поспешно кивнула, взяла аптечку и вышла из палатки. Гу Чжэнь же почувствовал, что тень у кровати все еще никуда не делась, и только тогда заметил: черт возьми, как этот здоровяк, главный герой, все еще здесь.

Сейчас Гу Чжэню очень хотелось помыться, чтобы стать чище, хотя, учитывая, что они оба мужчины, это было весьма неловко. С трудом он спросил:

— Хэ... Хэ господин, что-то еще нужно? Если ничего, я хочу немного отдохнуть...

Хэ Суйлян слегка прищурил свои светло-золотые глаза. Он понял, что именно Гу Чжэнь прикрывает, и спросил:

— Господин, у вас... неудобства в нижней части тела?

Гу Чжэнь:

«...»

Этот человек, кажется, не знает, что такое такт?

Человек, не знающий, что такое такт, снова сказал:

— На столе не хватает половины банки с порошком. Неужели это вы...

— Чушь собачья!

«...»

После того как Гу Чжэнь выругался, оба замерли на секунду. Один сожалел о том, что сорвался на мат, а другой вообще не понимал, что такое «чушь собачья».

Гу Чжэнь был одновременно зол, смущен и мучился от боли. Его лицо то краснело, то бледнело, а на ресницах блестели слезы, что придавало ему одновременно жалкий и милый вид.

Хэ Сюйлян слегка вздохнул и сказал:

— Жу Сюэ — все же женщина, ей неудобно. Если господин не против, я помогу вам...

Гу Чжэнь посмотрел на него с гневом и закричал:

— Я против! Я категорически против!

Хэ Сюйлян:

«...»

Хэ Сюйлян не стал настаивать, подошел к умывальнику, положил руку с внешней стороны таза с водой, и через некоторое время вода начала слегка парить.

— Тогда, господин, берегите себя, я откланиваюсь.

Сказав это, он окинул взглядом Гу Чжэня, и его взгляд остановился на одном неприличном месте, слегка приподняв бровь.

Гу Чжэнь сейчас очень хотел умереть вместе с ним, если бы смог.

Хэ Сюйлян поклонился и вышел. Гу Чжэнь посмотрел на таз с горячей водой и подумал: черт, это вода, в которой я только что мыл птичий помет...

Гу Чжэнь лежал на кровати, с мертвенно-бледным лицом глядя на прозрачную дыру в потолке палатки, чувствуя жгучую пульсацию в нижней части тела, словно он уже был на грани вознесения.

— Седьмой брат, ты делал обрезание? — спросил Гу Чжэнь.

007:

«...»

Гу Чжэнь:

— О, у тебя нет члена, ты не поймешь.

007 подумал, что если бы у него был член, он бы каждый день мочился в мозг своему носителю.

Гу Чжэнь с пустым взглядом продолжил:

— Сейчас я чувствую, что у меня внизу болит, жарко и чешется, будто я подрочил осиным гнездом — такое вот удовольствие.

Брат, я просто не могу ответить на это.

Гу Чжэнь помыл нижнюю часть тела водой, которую Хэ Сюйлян нагрел своей внутренней

силой, но у него была травма плеча, и одна рука не двигалась, поэтому он с трудом и в очень странной позе смыл порошок. Однако действие порошка продолжалось, и Гу Чжэню казалось, что его кожа внизу трескается и лопается.

Что я такого натворил, чтобы заслужить это? Я просто хотел подрочить.

Гу Чжэнь еще немного поразмышлял о жизни, но услышал, как за дверью кто-то крикнул:

— Канцлер, ваш слуга Лян Даго просит аудиенции.

Гу Чжэнь слабо ответил:

— Войдите.

И немного обрадовался, наконец-то кто-то знает, как постучаться.

Когда Лян Даго вошел, Гу Чжэнь с трудом сел, измученный новыми и старыми ранами. Его лицо было бледным, губы бескровными, он выглядел болезненно, что вызывало жалость.

Лян Даго не был исключением. Это было его подразделение, и в его ведении канцлер получил ранение. Видя слабость Гу Чжэня, он подумал, что это из-за ранения от арбалета, и, вспомнив предыдущий разговор с канцлером, который намекал на что-то, почувствовал себя еще более виноватым. Дрожащим голосом он сказал:

— Ваш слуга заслуживает смерти, не смог защитить канцлера. Прошу наказать меня.

Гу Чжэнь махнул рукой, не ответив, и вместо этого спросил:

— Генерал Лян, рана на животе в порядке? Вставайте, не давите на рану, в лагере и так полно раненых.

Лян Даго встал, не зная, как ответить.

Гу Чжэнь слегка вздохнул и сказал:

— Это не твоя вина. Я, гражданский чиновник, не могу тягаться с вами, военными. Если бы я оказался на поле боя, я бы только мешал. Но я... Генерал Лян, ты же знаешь, Алян и я выросли вместе, наши отношения как родных братьев, и я не мог оставаться спокойным. Обычно, не видя битвы, я, возможно, не чувствовал бы этого, но когда враг действительно напал, я очень волновался. Я знал, что с его навыками он легко мог уклониться от этого выстрела из арбалета, но я просто не смог сдержаться... Рисковал собой, не думая об общем благе, это была ошибка.

Увидев растерянность Лян Даго, Гу Чжэнь подумал: ты в шоке? Я тоже в шоке, моя игра даже меня самого тронула.

Гу Чжэнь говорил без остановки, рот его был как резинка на штанах — то затянут, то отпущен, слова лились рекой, и он не мог остановиться:

— Но генерал Лян, не волнуйся, я понимаю, что важно на поле боя. Кто бы это ни был, даже обычный солдат, если он может убить врага, я готов прикрыть его от тысячи врагов. В конце концов, я всего лишь гражданский чиновник, не обладающий ни физической силой, ни талантом стратегии, я действительно бесполезен.

Сказав это, он опустил голову, и в глазах его читалась тоска.

Это действительно напугало Лян Даго, и он поспешно утешил:

— Канцлер — это опора государства, сердце армии. Если с вами что-то случится, то моральный дух во всем лагере рухнет.

Ха, Гу Чжэнь мысленно усмехнулся: какой бред. Если я умру, народ, вероятно, будет ликоваться. Выставят мою голову перед войском, и каждый солдат превратится в неистового воина.

Но на его лице появилась слабая улыбка, и он горько сказал:

— Генерал Лян, ты действительно думаешь, что я справляюсь с ролью канцлера?

Лян Даго поспешно ответил:

— Опора государства, талант правителя.

Гу Чжэнь наконец искренне улыбнулся и вздохнул:

— Генерал Лян, если ты действительно так думаешь, то для меня это великая честь. Я всегда боялся, что у меня нет ни силы, ни таланта, и что я тяну армию назад. Быть оцененным тобой — это большая удача, и я надеюсь, что в ходе этой войны ты будешь наставлять меня, чтобы я мог внести свой вклад в Цзяньюнь. Ты — маяк для Цюньсяна. И если ты приложишь все усилия для этой битвы, я, этот никчемный человек, готов быть разорванным лошадьми ради тебя.

В отличие от предыдущего разговора с Лян Даго, на этот раз Гу Чжэнь принизил себя до предела, возвысив Лян Даго до небес. Его слова были полны скрытых угроз, но и напора. Учитывая его бледное лицо и кровоточащее плечо, казалось, что эта рана была получена ради Лян Даго. Это заставило генерала вспотеть, и он мог лишь робко соглашаться.

Гу Чжэнь, казалось, успокоился и с облегчением вздохнул:

— Тогда я очень благодарен тебе, генерал. С такими тиграми и волками, как ты, Цзяньюнь скоро поглотит семь областей и объединит земли.

Этот комплимент заставил Лян Даго задыхаться. Он был всего лишь мелким офицером, как он мог выдержать такие похвалы от канцлера? Кроме того, чувствовал он себя виноватым и нервным. Он поклонился и сказал:

— Вы слишком льстите, господин. Ради Цзяньюнь ваш слуга готов отдать жизнь, не жалея себя.

Гу Чжэнь удовлетворительно кивнул:

— Я верю тебе, генерал.

Они еще немного обменялись любезностями, и Гу Чжэнь выглядел все более уставшим. Лян Даго понял намек и вежливо удалился.